

УДК 811.161.1'04(088.4)"13"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-72-4-111-114

ДОГОВОРЫ XIV В.: КАТЕГОРИЯ АБСТРАГИЗАЦИИ

канд. филол. наук, доц. О.А. КЛИМКОВИЧ

(Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1785-6507>

В статье представлена характеристика средств репрезентации категории абстрагизации в договорах, заключенных между московскими, тверскими и др. князьями в XIV в., определены особенности употребления абстрактных существительных, устойчивых глагольных сочетаний, глагольных форм, имеющих обобщающее значение, именных сказуемых, пассивных конструкций и безличных предложений.

Ключевые слова: история языка, сопоставительная историческая стилистика, категория абстрагизации.

Введение. Изучение истории развития дипломатической старорусской и старобелорусской письменности поможет нам понять, как складывался дипломатический подстиль официально-делового стиля в двух близкородственных восточнославянских языках. Жанры старорусской и старобелорусской дипломатической письменности – это договоры, верительные грамоты, послания, указы послам, опасные грамоты, отчеты послов и др. Указанные документы имели разные самоназвания: указы послам в ст.-рус. были обозначены как указы или памяти, в ст.-бел. как наука или инструкция, верительные грамоты назывались верущими листами / грамотами, документы, определяющие беспрепятственный проезд послов, в ст.-рус. назывались опасными грамотами, в ст.-бел. – опасными или глейтовными листами. Важнейшим жанром дипломатической письменности XIV в. являются договоры.

Основная часть. Исследованные тексты представляли собой соглашения между московскими, новгородскими, тверскими, серпухово-боровскими князьями, один из договоров заключен от имени князя ВКЛ Ольгерда Гедиминовича. Тексты договоров публиковались с XVIII по XXI вв., материалы для данной статьи извлечены методом сплошной выборки из следующих изданий: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» [1], «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» [2], «Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры» [3]¹. Всего было исследовано 27 текстов. Договоры изучались историками, правоведами, лингвистами. Отдельные явления в языке договоров XIV в. были охарактеризованы И.И. Срезневским [4], А.А. Шахматовым [5, с. 229 – 235], в XXI в. Е.Л. Конявской [6], К.Ю. Дойкиной [7]. Среди исследованных договоров – докончания, в которых не ограничивается срок действия договора, перемирные грамоты, в которых оговаривается период действия договора, тексты, представленные экземплярами одной или двух сторон.

Одним из направлений историко-стилистического анализа деловой письменности является описание средств репрезентации отдельных текстовых категорий, среди которых для деловых текстов особую значимость имеют категории стандартизованности, точности, диалогичности, императивности и абстрагизации (обобщенно-отвлеченности). Последняя определяется как такой признак, который выражается в распространении в тексте «обобщенно-отвлеченных по своей семантике разноуровневых языковых средств, функционально и стилистически взаимосвязанных между собой»². Особенности средств выражения категории абстрагизации описаны в работах М.Н. Кожинной [8, с. 18], А.С. Матвеевой [9, с. 35].

Категория абстрагизации репрезентируется в текстах 1) абстрактными существительными; 2) глагольно-именными сочетаниями, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку; 3) формами глагола в значении настоящего вневременного; 4) формами именного сказуемого; 5) пассивными конструкциями; 6) безличными предложениями.

Разрабатывая основы лингвофилософского анализа абстрактного имени, Л.О. Чернейко указывает, что «чувственной формой абстрактных имен (и их сущностей) является звуковой комплекс. Содержание абстрактного имени понимаемо. Абстрактное имя диалогично. В функционировании абстрактного имени проявляется закон психологической относительности» [10, с. 319].

В договорах XIV в. среди абстрактных существительных преобладают те, которые образованы от разных частей речи с помощью суффиксов, имеющих значение отвлеченного действия, состояния, признака в соответствии с мотивирующим словом. Это слова, образованные с помощью суффиксов *-н'j (o) / -ниj(o)* (орф.: в словах на -нье, -ние); *-e[n'j(o) / -ениj(o)* (орф.: в словах на -ение, -енье)³: *целованье, докончанье, заговенье, веданье, ослушанье, ослушание, княженье, благословенье, благословение, положенье, примышленье, кормленье: Тѣ послове оучили межы нас перемирье, от Оспожына заговѣнья до Дмитриева дни межы нас воины нѣтъ* [3, с. 338].

Вторую группу абстрактных существительных составляют те, которые образованы от глагола с помощью нулевого суффикса: *измена, исправа, дума, дело, роздель, розъездъ, помочь, откупъ, обида: а князю великому държати Новгородъ безъ обиды, в пошлинѣ* [1, с. 24].

¹ Если текст договора опубликован в нескольких изданиях, цитаты приведены по последней публикации.

² Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, 2016. – С. 405.

³ Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. – С. 533.

В третью группу входят существительные с суффиксом *-ость*, образованные от прилагательных⁴: *милость, пакость, хитрость*: ... *вѣсти ти с нами самому на конь без хитрости* [3, с. 340].

К четвертой группе относятся существительные, образованные с помощью суффиксов *-ств(о) / -еств(о)*⁵: *матерство, одиначество*: *кончал есмь съ своими мужи в одинач(е)ство, целовали есмь кр(е)сть* [3, с. 337]. Существительные, образованные с помощью других суффиксов, встречаются реже: *нелюбие, честь, поговорка* в значении 'предварительный договор, соглашение'⁶.

Значимыми являются существительные, которые используются для описания а) процесса составления договора: *докончанье, целованье, перемирие*; б) взаимоотношений между субъектами договора: *любовь, нелюбие, измена, хитрость, пакость*; в) юридических действий: *исправа, порука*.

В употреблении абстрактных существительных отмечены следующие закономерности:

1) повтор абстрактных лексем: *А с Татары иже будет нам миръ, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же* [3, с. 340]; *Княжение тво[е] честно дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, господине, такоже Новгородъ дѣржати по пошлинѣ, безъ обиды* [1, с. 29]; ... *не канчивати ни с кимъ безъ нашего вѣданья. А намъ тако же безъ твоего вѣданья* [2, с. 37];

2) употребление нескольких абстрактных существительных в пределах одного предложения: *Добра вы мнѣ хотѣти во всем, в Ордѣ и на Роус(и), без хитрости* [2, с. 41]; ... *целуи ко мнѣ кр(е)сть ... и за свои братаничи по любви, въ правду, безо всякие хитрости* [3, с. 342]; ... *то ти намъ повѣдати в правду, безъ примышленья, по целованью, безъ хитрости* [2, с. 37];

3) использование параллельных синтаксических конструкций с абстрактными существительными, имеющими противоположное значение: *А бѣдет княз(ь) великии Дмитри Иванович и брат, княз(ь) Володимеръ, с Литвою в любви, ино и княз(ь) великии Шлег с Литвою в любви. А бѣдет княз(ь) великии Дмитрии и княз(ь) Володимеръ, с Литвою не в любви, ино и кн(а)зю великомъ А с Татары аже бѣдет кн(а)зю великомъ Дмитрию миръ ... , ино и кн(а)зю великомъ Шлгъ миръ А будет немиръ кн(а)зю великомъ Дмитрию ...* [3, с. 344];

4) употребление разных значений одного существительного:

– *княжение* в значении 'область, подвластная великому князю'⁷: *давати тобѣ нашу вотчину, великое княжение* [3, с. 340], в значении 'княжить'⁸: *княжение твое честно держати по пошлинѣ* [1, с. 19];

– *живот* в значениях 'до конца жизни, до смерти', 'при жизни', 'после смерти', 'имущество': *и тобѣ ся не имати ни до живота* [3, с. 340], ... *как при животѣ, так и по животѣ ... что дал князь вел(и)кии изъ Олексева живота* [2, с. 12–13];

5) включение таких существительных в состав различных устойчивых сочетаний, среди которых терминологические и этикетные: *А м(а)т(е)рь свою нам, г(о)с(поди)не, держати въ м(а)т(е)рствѣ и во чти. А тоба, г(о)с(поди)не, кн(а)з(а) великог(о), держати в стариинствѣ... . . . так же мена держат(и) в братствѣ и во чти, безо вбиды* [2, с. 40]; *А гнѣва ти, княже, до Новгорода не де[ржати] ни до одного человека* [1, с. 30]; *а то есмь въ б(о)ж(ь)и воли и во ц(а)р(е)вѣ* [3, с. 338]. Укажем также, что значимые абстрактные существительные *целованье, воля, любовь* и др. могут входить в состав разных устойчивых единиц даже в пределах одного текста: *поведати по целованью, целован(ь)е сложити, не оуправило по тому целован(ь)ю, отъдати по тому целованью, буда в целован(ь)и или сложя целованье, возмут по целованью, отпустити по целован(ь)ю, привел к целован(ь)ю, судит(и) по целован(ь)ю, взяти по целован(ь)ю* [3, с. 339–342].

Среди устойчивых сочетаний с абстрактными существительными следует обозначить группу глагольно-именных сочетаний, в которых существительное несет на себе основную смысловую нагрузку и которые представляют собой расщепленные сказуемые. Они являются одним из стилиобразующих средств деловой письменности, а особенности их употребления определяют специфику делового языка эпохи средневековья. М.В. Пименова указывает на характерные признаки для таких сочетаний: «... устойчивости и воспроизводимости модели, «раздвоение» денотата (которое можно выявить при помощи трансформации словосочетания), абстрактность, а не конкретность, семантики» [11 с. 183]. В договорах XIV вв. такие сочетания включали в свой состав глаголы *чинити / учинити, чинитися / учинитися держати, дати, взяти, положити, быти, знати*:

– *тѣ послове оучинили межы нас перемирие* [3, с. 338]; *исправа ны оучинити* [2, с. 13]; *чинятъ исправу* [2, с. 12]; *а что ся оучинитъ просторожа от мене* [2, с. 13]; слово *просторожа* имеет значение 'оплошность, промах, недосмотр'⁹;

– *а рубежь ти держати ...* [3, с. 341], *на тыхъ ти нелюбья не держати* [2, с. 20], *тобе, брата своего, держати в братствѣ* [2, с. 20];

⁴ Там же. – С. 612.

⁵ Там же. – С. 637.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1991. – Вып. 17 (Помаранець – Поттишати). – С. 184.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7 (К – Крагуяр). – С. 204.

⁸ Там же, с. 204.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1995. – Вып. 20 (Присвоение – Прочнутися). – С. 236.

– а тому всему **судь дати** безъ перевода [1, с. 14]; как ны отецъ наш **роздѣл далъ** [2, с. 11]; тому **дати кормленьѣ** по исправѣ [2, с. 21];

– а будет нам, брат(е), **взят(и) любовь** с Витовтом или с Литвою, и нам, брат(е), без тебе **любви не взят(и)**, ни без твоих дети, ни внучат. А вам, брат(е), без нас **любви съ ним не взят(и)** ... [3, с. 346];

– а **положит** на нас в том ц(а)рь **виноу** [3, с. 346];

– кто **будеть** со княз(е)мъ с великимъ зъ Дмитриемъ Иванович(е)мъ ... **в любви и в докончаньи**, ... [3, с. 338];

– а что наши ординци и делюи, а тѣмъ **знати своѣ служба**, како было при нашихъ о(т)цѣхъ [2, с. 20].

Использование отдельных форм глагола для репрезентации категории абстрагизации обусловлено тем, насколько обобщенное значение имеет та или иная глагольная форма. Описывая градуальный переход от конкретности к обобщенности, И.Н. Смирнов рассматривает следующую последовательность увеличения обобщенных признаков: а) конкретное единичное действие, б) повторяющееся действие в рамках конкретной ситуации, в) итеративное действие, не ограниченное рамками одной ситуации, г) типичное действие, д) вневременное действие. Исследователь также подчеркивает особый статус ситуаций постоянного действия, ситуаций обобщенного факта [12, с. 272–273]. Среди форм глагола, используемых для репрезентации категории абстрагизации в исследованных договорах, рассмотрим формы, с помощью которых выражается типичное действие и обобщенный факт. Это, как правило, формы настоящего времени. В исследованных текстах они встречаются при обозначении определенной общности людей, действия которых постоянны: *а к[то] **живеть** в Новоторьскомъ уѣ[зд]ѣ у святого Спаса, а тѣ **пота[ну]тъ [къ] Торжьку** [3, с. 336]; а кто которому княз(ю) **служит**, где бы ни жил, тому с тѣм князем а и **ѣхати**, кому **служит** [2, с. 40], а кто **речеть** судъ, а тому судъ [1, с. 14–15], а **московская рать ходитъ** с моимъ воеводою [2, с. 39].*

Среди форм именного сказуемого важны формы с причастием, которые в зависимости от контекста могут репрезентировать разную степень обобщенности [13, с. 292]. Г.П. Байгарина отмечает, что страдательное причастие, выступая в предикативной функции имеет значение, связанное с «наличием состояния, полученного в результате воздействия со стороны и характеризующего субстанцию, не являющуюся агенсом»¹⁰. В договорах сказуемое с именной частью, выраженной причастием, встречается спорадически.

В рассмотренных текстах формы именного сказуемого, в котором именная часть выражена причастием, характеризуются следующими особенностями: 1) в форме сказуемого выступает разнообразный круг страдательных причастий *писан, взят, поиман, выиман, урлаженъ*: *А что грамота на Городицѣ **ѡана** и что в Торжьку **ѡана** при Таитемери ... [3, с. 337]; а что **взято** право, ино то [взяти], а что **взято** криво, а то по исправѣ отъдати [2, с. 38]; ... а что **грабежь** или что с людеи **поимано**, и из лodeи, и ис павозков товаръ **поиман** [3, с. 340]; а которые люди по нашим во[ло]стемъ **выиманы** ... в которую кто **урлаженъ** ... [2, с. 12]; 2) отмечены случаи употребления ряда страдательных причастий: ... *что будет на ком не **взято** на натицѣх или на их поручницѣх ... или натици не **понуцаны**, или порука не **сведена** ... [3, с. 340].**

Кроме форм причастия используются а) существительные: *а кто буд(е)тъ мнѣ ... **другъ**, то и тобѣ **другъ** [2, с. 20], А кто будеть мнѣ ... **недругъ**, то и тобѣ **недругъ** [2, с. 20]; б) прилагательные: **воленъ** в нем княз(ь) вел(и)кии, и въ его женѣ, и въ его дѣтехъ [2, с. 13], **путь чистъ** [2, с. 42]; в) местоимения: *а земля **наша** [2, с. 39].**

Страдательные причастия, употребляющиеся в функции именной части сказуемого, характерны для пассивных конструкций, которые также рассматриваются как один из важнейших признаков синтаксиса делового стиля, так как использование таких конструкций «дапамагае абстрагаватца ад канкрэтных выканаўцаў, ... вылучыць на першы план само дзеянне, сканцэнтраць увагу на ім і на факце яго выканання»¹¹. Для договоров XIV в. характерны пассивные конструкции с возвратными глаголами: *А ци **какимъ дѣлом отоиметься** от тобѣ Ржева [2, с. 38].*

Среди безличных предложений преобладают инфинитивные безличные предложения, в которых подчеркивается обязательность называемого действия: *А самосуда не замышляти [1, с. 20]. А брата своего старѣишего **имѣти** ны и **читити** въ отцево место [2, с. 11].* Используются также предложения со сказуемым, выраженным формами глаголов *быть*: как **было** при нашем дѣдѣ ... как **было** при наших о(т)цѣхъ [2, с. 31]; словами *нет*, *не будет*: *а **богаромъ** вины **нетъ** [2, с. 32].*

Заключение. Анализ средств репрезентации категории абстрагизации в текстах договоров XIV в. позволяет сделать следующие выводы: среди абстрактных существительных доминируют отглагольные образования, многие из которых включены в состав устойчивых сочетаний. Такие существительные могут повторяться, в пределах одного предложения встречается несколько разных абстрактных лексем, употребляются антонимичные абстрактные существительные. Среди безличных предложений доминируют инфинитивные, в которых вместе со значением обобщенности выражается значение императивности, обязательного выполнения зафиксированного условия. В договорах используются формы именного сказуемого, выраженного причастием, глаголы настоящего времени, обозначающие обобщенное действие, однако такие средства репрезентации категории абстрагизации не отличаются широкой распространенностью.

¹⁰ Байгарина Г.П. Пассивные конструкции в русском языке XVII века (по данным памятников письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / МГУ. – М., 1978. – С. 5.

¹¹ Кулеш Г.І. Фарміраванне і развіццё мовы беларускага заканадаўства XX – пачатку XXI стст. (на матэрыяле беларускамоўных заканадаўчых тэкстаў): дыс. ... докт. філал. навук: 10.02.01 / БДУ. – Мінск, 2016. – С. 43.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.). – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 587 с.
3. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. – М.: «Древлехранилище», 2003. – 367 с.
4. Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1863. – 390 с.
5. Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1886. – 285 с.
6. Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV – XV веков // Язык и текст. – 2016. – Т. 3, № 2. – С. 23–30. – DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2016030203>.
7. Дойкина К.Ю. Глагольные энклитики в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2018. – № 2. – С. 156–169. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glagolnye-enklitiki-v-duhovnyh-i-dogovornyh-gramotah-velikih-i-udelnyh-knyazey-xiv-xvi-vv>.
8. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1972. – 395 с.
9. Матвеева А.С. Лингвостилистические особенности научных текстов (на материале современного английского языка) [Электронный ресурс] // Universum: филология и искусствоведение. – 2017. – № 3(37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilicheskie-osobennosti-nauchnyh-tekstov-na-materiale-sovremennogo-angliyskogo-yazyka>. (Дата обращения: 05.02.2024).
10. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997. – 320 с.
11. Пименова М.В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопр. лексикографии. – 2020. – №17. – С. 178–194. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksikograficheskoe-opisanie-drevnerusskih-ustoychivyh-sochetaniy-slov-na-materiale-glagolnyh-oborotov>.
12. Смирнов И.Н. Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. – М.: Языки славянской культуры, 2018. – С. 270–288.
13. Сосновцева Е.Г. Об одной модели страдательного залога в памятниках древнерусской письменности // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская. – М.: Языки славянской культуры, 2018. – С. 289–307.

Поступила 21.05.2024

XIV CENTURY TREATIES: THE CATEGORY OF ABSTRACTION

V. KLIMKOVICH

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

The article presents the characteristics of the means of representing the category of abstraction in contracts concluded between Moscow, Tver, etc. The princes in the XIV century defined the features of the use of abstract nouns, stable verbal combinations, verb forms with a generalizing meaning, nominal predicates, passive constructions and impersonal sentences.

Keywords: *the history of language, historical stylistics, the category of abstraction.*